

Клубные встречи

Попытка портрета юбиляра.
Простой — в смысле: ясный.
Ясный — в свою очередь: — открытый, не держащий за душой, — понятный, не требующий толкований (таков он, таковы и его истории), — искренний, не оставляющий сомнений, говорящий как есть, — излучающий свет (в этом смысле — глаза: большие, блестящие и живые).
Ясен делом, рассказом, целью, головой, мыслью и душой.

Эмиль БРАГИНСКИЙ.

— А кем тогда вы работали в "Огоньке"?
 — Корреспондентом. Писал о художниках. Я ведь больше всего на свете люблю живопись. И мне в этом смысле повезло — дало в молодости дружбу с замечательными русскими художниками. Дружил с Константином Федоровичем Юоном (несмотря на фантастическую разницу в возрасте), с Василием Николаевичем Яковлевым, Василием Васильевичем Мешковым, по вашему ничему вам не говорят, и это стыдно, сэр! Не знать Юона, которого знает весь мир! В молодые годы я даже выпустил несколько книжечек о художниках. Объездил огромное количество провинциальных музеев. Русскую живопись, нахально заявляю, я и по сей день знаю очень хорошо. Какие музеи в Саратове, в Перми, в Пензе — это же с ума сойти! К сожалению, они мало известны и, к огорчению, совершенно не пропагандируются.
 — "Юбилейная" тема: если оглянуться назад...
 — Считаю, что биография у меня благополучная, жаловаться грех... Неприятности, разумеется, были. В одной из пьес писал: "Жизнь без непри-

проявлявший, за что ему и до- бавили "Орла" к фамилии "Краюшкин", и у него тоже есть дача, и он тоже выращивает клубнику. "Вы знаете, что у меня написано на заборе?" "Не знаю". Хотя я подумал: знаю, что пишут на заборе, но... Он говорит: "Свободу Юрию Деточкину!!!" И тут я допускаю ошибку: "А вы замажьте надпись". После этого он написал жалобу в ЦК КПСС, последовала соответствующая реакция, и мы срочно в книге, которая на тот момент версталась, переделали, чтобы не переверстывать все страницы, фамилию на "Сокол-Кружкин": в строчку укладывалось. А потом в фильме на всякий случай у него не было никакой фамилии. Я в те времена много выступал с творческими вечерами, веселил аудиторию. И я заметил, что каждый раз получаю записку: "Правда ли, что, опубликовав повесть "Берегись автомобиля", вы обидели прекрасного человека?" и т.д. Я стал сохранять эти эпистолы, смотрю, один и тот же почерк, и понял, что он сопровождает меня на всех творческих вечерах. И был у меня такой друг — Георгий Беленький, писатель и врач знаменитый. Он написал эпиграмму. И когда в очередной раз на очередном вечере, получив записку, я зачитал ее залу, я сказал: "Я понимаю, что товарищ Орел-Краюшкин находится здесь, я хочу прочесть эпиграмму:

Тогда Орел-Краюшкин
 стих,
 Когда, гремя стальною
 цепью,
 Они брели орлиной
 степью,
 Деля краюшку на двоих".
 — Наверное, обидно было ужасная.

— А я не хотел его обижать, не хотел!.. Потом уже мы выяснили, что Эльдар когда-то где-то встречал эту фамилию, и в момент работы она случайно всплыла. У медиков это называется "провокация памяти".
 — Вы согласны, что основа того же "Берегись автомобиля", да и многих других ваших фильмов — сказочная?
 — Я всю жизнь пишу городские сказки.

— Деточкин — Робин Гуд.
 — Конечно, Робин Гуд. Но скорее — князь Мышкин.
 — "Ирония судьбы", "Зигзаг удаче". В основе — чудо, случившееся в новогоднюю ночь.

— Кстати, сценарий, который я закончил для младшего Нахабцева, тоже новогодний, сказочный. "Здравствуй, Бим!" Но денег на постановку нет и пока что не предвидится. Но кто знает, может, и найдется богатый дядя или богатая тетя.

— А можно поподробнее: что это за история?
 — Пересказать сюжет? За это убивают!

— Значит, сейчас вы пишете рассказы и с драматургией покончено?

— Ни в коем случае! Совсем недавно написал комедию для театра "Игра втроем".

— Также не расскажете сюжет?

— Ни за что! Скажу лишь, что это остроумная комедия, в основе которой, как всегда у меня, любовная история, но в данном случае с элементами детства. Писать про любовь — самое приятное в жизни.

— Также утешительство?
 — Обязательно.

Встречался Юрий СОЛОДОВ. Фото Николая КОЧНЕВА.

Просите пересказать вам сюжет? Да за это убивают!

— Почему ко мне такое повышенное внимание со стороны "Вечернего клуба"? В апреле прошлого года была встреча с корреспондентом, не так много времени прошло, и вдруг опять интервью?

— На это есть официальный предлог.

— Какой?

— А у вас скоро юбилей. 75 лет.

— Тогда понял. Хотя я от этого юбилея хочу спрятаться: очень неприятно чувствовать себя глубоким стариком — со стороны все видят, а ты сам вроде не замечаешь и только тогда вспоминаешь, когда что-то где-то прихватывает или когда помотришь в зеркало и станет противно. Не хочу творческого вечера, не хочу слушать никаких похоронных речей. Так что найти меня в этот день будет сложно. Я и на семидесятилетие спрятался, никто меня не нашел.

— Эмиль Вениаминович, есть ли такое слово, которым можно было бы обозначить то, что вы делаете в кино?

— Утешительство. Замечательный театальный критик Ирина Алексеевна Василинина когда-то писала, что я утешитель. Как известно, "доброе слово и кошке приятно". И собаке приятно, как видите. Я его попросил мило и ласково, чтобы он не мешал нам работать, — видите, он собрался уходить; я его за это похвалил — он повилял хвостом и улыбнулся (он умеет улыбаться): понял, не буду вам мешать.

Я с большим интересом читаю современную прозу, все подряд, что попадется, и мне зачастую горько, потому что молодые, очень многие, безжалостны к своим персонажам.

— А вы пытаетесь поставить себя на место своих персонажей, пытаетесь думать, как они?

— Вы знаете, это загадочная история. Я за них не думаю, они за меня думают, причем я абсолютно в этом уверен. Они подсказывают, я с ними разговариваю, я вообще пишу вслух. Все диалоги — вслух. Тогда они получаются более живыми. Конечно, я не могу давать рецептов, у каждого своя методика. У нас в прежние времена была фраза "незаменимых нет". Это глубочайшая ошибка. Нет незаменимых! Каждый человек есть единица

творческая. Реализованная или нет — это уже другая сторона вопроса. Я, когда пишу, толком не знаю, что у меня будет в следующей сцене. Сценарного плана не составляю, не умею и не хочу этого делать. Разумеется, можно и по-другому. Вот прекрасные драматурги Дунский и Фрид всегда составляли точный план. Он выглядел, как расписание железнодорожных поездов. Вы меня застали в тот момент, когда я пишу рассказ. Героиня согласилась прийти на свидание, но, если вы меня спросите, что дальше, понятия не имею. Главное для меня — я должен проникнуть внутрь характеров, почувствовать ситуацию как бы с точки зрения моих героев. Вот Лиза и Дмитрий Саввич (так их зовут), они мне сами все подкажут.

Самое главное — писать каждый день. Это старая банальность.

— "Чем больше пишешь, тем больше хочешь?"

— Нет, нет, не хочется. С утра не хочется почти ничего! С утра всегда лень, я ведь обыкновенный человек. Когда работаешь вдвоем, в этом смысле легче. Потому что приходит соавтор или ты приходишь к нему — хочешь не хочешь, надо трудиться, а когда ты один... Моя основная газета — "Спорт-экспресс", я покупаю ее в ларьке, когда гуляю с собакой, и оставляю ее в коридоре, чтобы не занести в комнату и не уйти в чтение. Потворяю себе в сотый, в тысячный раз: если не работаешь каждый день, это может войти в привычку.

— Вы легко работаете в соавторстве?

— Да. Еще в школе я сидел за одной партой с Яковом Барашом. И мы писали вдвоем пьесы, рассказы, стихи — все на свете. И на всех уроках. Это,

конечно, был детский уровень, но все-таки писали вдвоем. Потом Бараш стал юристом. К сожалению. Потому что был одарен и литературно, и актерски, и рисовал прекрасно, и лепил.

— Самое важное в соавторстве?

— Чтобы никто не думал, что именно он главный. Как один начнет думать, что главный он — конец. Мы, когда работали с Рязановым, установили такой "кодекс чести": категорически нельзя рассказывать посторонним, кто и что придумал.

Я всегда с удовольствием жду, что тот, кто сидит напротив, что-то интересное сейчас предложит, а он должен ждать то же от меня. Когда это ожидание кончается, кончается соавторство.

Предлагаемое должно нравиться обоим. Если хоть один против, спорить не надо, нужно отменить и придумать другое. Точно так же мы работали с Александром Атанесяном над сценарием "Слепой дождь".

— Вот мы говорим о соавторах. Ваши любимые писатели случайно не Ильф и Петров? У вас в сценариях нет-нет, да и проскальзывает их интонация, используются их стилистические приемы.

— Я очень высоко ставлю этих авторов. Мой главный литературный учитель — Василий Александрович Регинин. Это человек, который заведовал отделом искусства "Огонька" и который в свое время взял меня туда на работу. Это тот самый Регинин, который, будучи главным редактором журнала "30 дней", опубликовал романы "12 стульев" и "Золотой теленок". Что ему впоследствии дорого обошлось. Его потом поедом ели до конца жизни и даже не похоронили на престижном кладбище, о

котором были его последние слова: "Давно я не был на Новодевичьем, я ведь там хожу, как между столиков". Это был самый остроумный человек, которого я встречал.

Так что какая-то связь с Ильфом — Петровым, возможно, есть.

— Кем вы работали в "Огоньке"? Фельетонистом?

— Ни разу в жизни не написал ни одного фельетона. Я их терпеть не могу. К примеру, помню историю, когда один сильный журналист своим фельетоном погубил замечательного футболиста Эдуарда Стрельцова. Потом уже выяснилось, что все это ложь, но человек отсидел много лет. Фельетоны стольким людям испортили жизнь. Они же пишутся про конкретных лиц. А вдруг автор неправ?

Я вообще не умею писать смешное ради смешного и тем более ради обличения чего-то и тем более кого-то. Я в жизни не написал ни одного фельетона, ни одного эстрадного номера, ни одного юмористического рассказа, чисто юмористического. Аркадий Исаакович Райкин, с которым у меня были очень хорошие отношения, раз предлагал что-нибудь ему написать. Однажды, когда мы гуляли с ним по Ленинграду (а гулять с ним было трудно, потому что все оборачивалось: Райкин идет живой, и я там где-то рядом топаю, кто непонятный), вдруг он говорит: "Я на минуточку зайду в магазин "Канцелярские товары". Вы меня обождете?" Выходит из магазина и держит двухкопеечную тетрадь: "Это вам". "Спасибо, Аркадий Исаакович. Но для чего?" "Чтобы вы мне написали, а то вам, наверное, не на чем". Так я ему ничего и не написал. Честно говоря, пытался — ничего не вышло: другая профессия.

ятностей это неприятная жизнь". В конце пятидесятых годов в Театре Станиславского поставили мою первую комедию "Раскрытое окно", как вдруг появился доклад Бориса Лавренева "О драматургии", где он разнес ее в пух и прах за "мелкотемье", был тогда такой термин. И вдруг я оказался в доме у Василия Николаевича Яковлева за одним столом с Лавреневым. И Василий Николаевич спрашивает: "Боря, что ж ты кинулся на Эмиля-то? Я видел пьесу, мне очень понравилось". А он: "Так я ж ее не читал". "А что ж тогда громил?" "Мне дали текст доклада, я и прочитал". А теперь я уже знаю, кто и сочинил этот текст. Но не назову вам фамилию. Зачем? Была другая эпоха, вот сделал человек гадость, и все. Уже, наверное, забыл об этом, а тогда пьеса была не рекомендована министерством к постановкам в других театрах. Но, в общем, это пустяки.

Или вот другая история, но уже юмористическая. В повести "Берегись автомобиля" есть персонаж, которого играл в кино Анатолий Дмитриевич Папанов.

— Сокол-Кружкин!

— Сокол-Кружкин, да. А фамилия персонажа была первоначально Орел-Краюшкин — в повести, что до фильма была напечатана в журнале. Как-то раздается у меня дома телефонный звонок. "Это говорит Орел-Краюшкин". "Это не остроумно", — и я положил трубку. Потому что считал, что звонит Никита Владимирович Богословский.

— Голос похож?

— Нет, просто он вечно разыгрывает. Тут же снова звонок. Разгневанный голос: "Я действительно Орел-Краюшкин!" И выясняется, что существует на земле такой Орел-Краюшкин, участник гражданской войны, геройски себя там